

КУРСИВ В ПОЭЗИИ Н.М. КАРАМЗИНА

Вопрос графического оформления художественного произведения – один из значимых в современном литературоведении, в том числе функционирование курсива. Она была предметом изучения у стиховедов, так же как и у нас, на материале русской поэзии. Курсив в поэзии Н.М. Карамзина на сегодня практически не изучен. В данной статье анализируется курсив в поэзии Карамзина на фоне предшественников и современников, а также с точки зрения связи курсива с другими стиховыми формантами и с точки зрения функций, выполняемых этим графическим приёмом в произведении.

Наблюдения над курсивом показали, что к рубежу XVIII–XIX веков графический приём курсива в русской поэзии стал достаточно известным, распространённым и образующим устойчивую традицию использования. И активное применение курсива Карамзиным в своей поэзии находится в рамках этой традиции. Из 167 поэтических произведений Карамзина курсив был обнаружен в 52 текстах (203 случая). Чаще всего поэт выделяет курсивом слова и словосочетания (90% случаев), что соответствует общей тенденции в поэзии последней трети XVIII века. Карамзин, наряду с другими поэтами, экспериментирует с курсивом, ищет возможности его использования в поэзии. Он делает графический приём семантически насыщенным. Курсив в изучаемых произведениях взаимодействует с другими стиховыми формантами: рифмой и стилистическими фигурами. Курсив в поэзии Карамзина выполняет функции характеристики предмета, явления, лица, выделения пространственно-временных форм, оформления «чужого слова», маркирование курсивом имён собственных и местоимений. Последняя указанная функция встречается у поэта редко, несмотря на то, что это было очень яркой приметой времени в русской поэзии.

В целом, Карамзин усваивает опыт предшественников в использовании курсива, но стремится вывести свою поэзию за рамки заданных временем норм, отойти от привычного использования графики.

Ключевые слова: Карамзин, графика, графический облик русской поэзии, графический приём, курсив.

Н.М. Карамзин не только знаменитый русский литератор, крупнейший представитель русского сентиментализма, историк, реформатор русского языка, издатель, публицист, общественный деятель, но и одарённый поэт.

П.Н. Берков и Г.М. Макогоненко обратили внимание, что «в прижизненных изданиях Карамзина часто употреблялся курсив для обозначения слов в переносном значении или для подчеркивания созданных им неологизмов. Однако курсивом он пользовался и для передачи чужой речи, цитат, географических названий и понятий, заглавий книг, указаний дат и т. п.» [3, с. 786]. В наших исследованиях графического облика русской поэзии [1] Карамзин назывался как один из поэтов, активно употреблявших курсив. Но, насколько нам известно, данная тема ещё не разрабатывалась исследователями, поэтому представляется интересным рассмотреть курсив в поэзии Карамзина на фоне предшественников и современников, а также с точки зрения связи курсива с другими стихо-

выми формантами и с точки зрения функций, выполняемых этим графическим приёмом в произведении.

В исследованных нами 167 поэтических произведениях Карамзина [4] было обнаружено 203 случая курсива в 52 текстах (31% от общего количества произведений). Возникает вопрос: много это или мало на фоне предшественников и современников поэта? Обзор русской поэзии XVII–XVIII вв. (по 1810-е гг.) методом сплошной выборки, проведённой на основе изданий «Библиотеки поэта», позволил нам установить, что в XVII веке курсив у русских поэтов не встречается, а в XVIII веке курсивные выделения используются в 283 стихотворных произведениях у 62 авторов (без учета поэзии Карамзина). Следовательно, интерес к использованию курсива возник у многих русских поэтов XVIII века.

Первые два случая курсива зафиксированы нами в «Сатире I. На хулящих учение» (1729) А. Кантемира, но не в тексте, который принят за канонический, а в первоначальной редакции:

Полно мне не погрешить в моём разговоре,
Не сказать: *зла*, но *злый* есть, говоря о воре.

Затем в 1730 году в поэзии В.К. Тредиаковского находим курсив в шести стихотворениях, написанных на французском языке: «Балад о том, что любовь без заплата не бывает от женска пола», «Басенка о непостоянстве девушек», «Песенка к красной девушке, которая стыдится и будто не верит, когда ей говорят, что она хороша», «Песня к любовнику и любовнице обручившимся», «Прощание при разлучении со всякой милой», «Сон, учинён песнию наподобие одной песни французской «*La geine si belle*», и с её же рефреном». Например: «*Cela n'est rien; mais c'est la recompense: / Jamais sans prix on ne reste en amour. / Il est enfin lultieme complaisance*» («Балад о том, что любовь без заплата не бывает от женска пола»). Возможно, что приём курсива В.К. Тредиаковский заимствовал из французской поэзии, но это предположение требует более чётких доказательств и подробного исследования.

В период с 1730–1749 гг. курсив ни у кого из русских поэтов не встречается. Затем вплоть до 1787 г. наблюдается неустойчивая картина в использовании приёма: 1) в 1756, 1758–1759, 1766–1771, 1775–1776, 1783, 1786 гг. не обнаруживается ни одного случая курсива; 2) в некоторые промежутки времени несколько активизируется деятельность поэтов по применению курсива, но пока что он появляется очень редко и у небольшого круга авторов: 1750–1755, 1757 гг. – Я.И. Брандт «Сатира, сочинённая чрез напольного поручика Бра...» (1750-е); В.К. Тредиаковский «Леший и мужик» (1752), «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...» (1753), «Феоπτия» (1750–1755); М.В. Ломоносов «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...» (1753), «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке» (1748–1754), «Зубницкому» (1757); 1760–1765 гг. – Я.Б. Княжнин, Н.Н. Поповский, А.А. Ржевский, И.Ф. Богданович; 1772–1774 гг. – И.И. Хемницер, Н.П. Николев, В.П. Петров, И.Ф. Богданович; 1777–1782 гг. – В.В. Капнист, И.И. Хемницер, Ф.Я. Козельский, Е.И. Костров, М.Н. Муравьёв, И.И. Дмитриев; 1784–1785 гг. – Г.Р. Державин, Н.П. Николев, С.С. Бобров, Д.И. Хвостов, М.Н. Муравьёв. Очевидно, что с 1750-х гг. курсив

поэтов, желающих поэкспериментировать с курсивом, постепенно увеличивался, а с 1787 г. этот список динамично пополнялся. Именно с 1787 года курсив начинает появляться каждый год у большинства поэтов. Поэтому период с 1730 по 1786 гг. можно обозначить как период становления традиции использования курсива.

Наш обзор позволил выявить поэтов XVIII века, активно применявших в своём творчестве курсив: Н.П. Николев (207 случаев в 17 произведениях), И.И. Дмитриев (105 случаев в 54 произведениях), С.С. Бобров (382 случая в 20 произведениях), Н.М. Карамзин (203 случая в 52 произведениях), А.А. Палицын (116 случаев в 1 произведении).

В исследуемом материале можно выделить годы наивысшей активности функционирования курсива (по количеству случаев): 1797 г. – 131 случай, 1803 г. – 119 случаев, 1804 г. – 152 случая, 1805 г. – 118 случаев, 1807 г. – 163 случая. По нашим наблюдениям, наивысшая активность поэтов в использовании курсива приходится на конец XVIII – начало XIX вв. В это время происходит активный поиск возможностей курсива, поэты экспериментируют с курсивным маркированием. Приём стал настолько распространённым и актуальным, что некоторые поэты буквально насыщали какой-либо текст многочисленными курсивами (в среднем от 10 до 50 случаев на один текст). Это стихотворные произведения Н.П. Николева («Сатира к Музе», 1774; «Сатир-рифмач», 1797), Н.М. Карамзина («Гимн», 1789), С.С. Боброва («Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз», 1792–1800; «Столетняя песнь», 1801; «Предчувственный отзыв века», 1802 или 1803; «Херсониды, или Картина лучшего летнего дня...», 1798, 1804), А.А. Палицына («Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени», 1807), М.В. Милонова («К моему рассудку», 1812) и других. Например: «Знаешь сам – как *Велизеру* / Заплатил *Юстиниан*; / Как *Артемия* за веру / Наградил *Иулиан*; / Как *Овидия-поэта* / Август, повелитель света» (Н.М. Шатров «Послание к моему соседу»). Подобное обилие курсивов, приходящихся на один текст, к 1820–1830 годам исчезает. По всей видимости, акцент смещается с количества на качество использования курсива.

Следовательно, графический приём курсива в русской поэзии второй половины XVIII века можно считать достаточно известным, распространённым и образующим устойчивую традицию использования к рубежу XVIII–XIX веков. А активное применение курсива Карамзиным в своей поэзии укладывается в эту традицию.

Подробнее рассмотрим курсив Карамзина-поэта. Объём курсива в исследуемых произведениях колеблется от слова до нескольких предложений, например:

Но счастьем полным насладиться,
Изменой вдруг его лишиться
И в тягость другу быть, как я... [4, с. 87]

Четыре времена, в прелюдах ежегодных,
Ничто иное суть, как в разных видах бог.
[4, с. 70]

Читай, тверди, хвали: хвала стихам венец.
Поэзия – цветник чувствительных сердец.
[4, с. 251]

И, зря печальный гроб Nature пред собой,
Так мыслит: *прежде всё здесь жило, зеленело,
Цвело для глаз; теперь уныло, помертвело!*
*И я душою цвёл, и я для счастья жил –
Теперь навек увял и с счастьем простился!*
*Начто ж мне жизнь? – сказал... в волнах
реки сокрылся...* [4, с. 250]

Факты выделения курсивом совокупности предложений представляют собой максимальное проявление приёма в поэзии любого автора. Например, у Г.Р. Державина в стихотворении «Любителю художеств» (1791) сплошным курсивом выделено 32 строки, 5 предложений, 124 слова.

Подобные случаи являются границей, за которой изучаемый графический приём перестаёт быть таковым: если всё стихотворное произведение будет напечатано курсивом, то в этом случае мы не имеем права говорить о курсиве как о графическом приёме выделения.

В целом, в поэзии Карамзина выделение курсивом слов и словосочетаний происходит в 90% случаев, а предложений – в 10% случаев, что соответствует общей тенденции в поэзии последней трети XVIII века.

Особый интерес представляют редкие случаи «составных» курсивов (термин наш), когда несколько курсивов в одном тексте образуют логическую фразу или слово. Таких стихотворений нами обнаружено всего три у разных авторов:

Великий монарх, непобедимый король,
Фридрих
Вильгельм Второй, *отче наш*,
Всемиловнейший государь и князь *имже еси*,
Благодарение тебе и награда *на небесех*
За уничтожение табачного откупа,
да святится имя твое,
Желаем, обещанная тобою милость
да придет,
Всевышний благословит за то
царствие твое,

(«Молитва прусскому королю Фридриху
Вильгельму от подданных его за уничтожение
табачного откупа» неизвестного автора, 1760-е)

Любви, которою круги миров стоят,
Живут все их сыны и коя вечно *благо*
Выводит из того, что *кажется нам злом...*
(Н.М. Карамзин «Гимн», 1789)

Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу *ишии* он кажет,
А логике он строит *ков*.

(П.А. Вяземский «Шишков недаром
корнеслов...», 1810-е)

Очевидно, что Карамзин, наряду с другими поэтами, экспериментирует с курсивом, ищет возможности его использования в поэзии.

Наши наблюдения за курсивом в поэзии Карамзина позволили также отметить еще один любопытный факт. В 22% случаев лексическое наполнение курсивных выделений составляют слова, однокоренные словам «любовь», «бог», «жизнь», «прощение», «счастье», «душа», «благо»:

Их жребий: *милую любить*;
Мой жребий: *милой милым быть!*
Хотя при людях нам нельзя еще словами

Люблю друг другу говорить;
Но страстными сердцами
Мы будем всякий миг *люблю, люблю*
твердить... [4, с. 209]

Ещё 15% случаев – это курсивы слов, обозначающих ощущения, чувства, эмоции и их оттенки, к примеру:

Ах! *слабость жить мечтой*, от рока ожидать
Всего, что мыслям льстит, –
надеяться, бояться,
От удовольствия и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!..
[4, с. 245]

Всё это своеобразно – графическим способом – подчёркивает сентиментальный характер лирики Карамзина, в которой основное внимание сосредоточено на внутреннем мире личности, на мире чувств (о душевной, лирической тональности поэзии Карамзина писали Г.А. Гуковский [2, с. 92–95], Н.Д. Кочеткова [5, с. 760–762], О.Э. Подойницына [7, с. 11–12] и др.). По мнению Ю.М. Лотмана, «обычная жизнь сердца», «человек простых чувств» определили лексико-стилистический строй поэзии Карамзина [6, с. 307–308].

С точки зрения взаимодействия графики с другими стиховыми компонентами можно провести интересное наблюдение над фактами выделения курсивом рифмы. В 27% случаев курсив маркирует рифму, а в 5% – конец строки в произведениях с белым стихом (и рифма, и конец строки в белом стихе – это сильное место в стихе). «Карамзин имел смелость употреблять рифму, которая в поэзии XVIII в. традиционно считалась плохой, причем подчеркнуто избирал наиболее доступные, тривиальные рифмы» [6, с. 305]. В нашем материале поэт не только использует, но и нарочито подчёркивает эти тривиальные рифмы с помощью курсива:

Где радость есть *судьбы ошибка*
И где веселая улыбка... [4, с. 181]

Ты мне верна!.. тебя я снова обнимаю!..
И сердце милое твое
Опять, опять *мое!* [4, с. 208]

Есть томная на свете мука,
Змея сердец; ей имя *скука* [4, с. 288]

Кроме этого, как отметил Ю.М. Лотман, Карамзин стремился «не употреблять метафору и весь арсенал тропов не только в духе «бряцающего» и «парящего» одического стиля Петрова, но и в духе державинской стилистики» [6, с. 303]. Однако нам удалось обнаружить, что поэт в 3% случаев курсивом выделяет стилистические фигуры анадиплозиса и анафоры:

Какими радостями, мой друг, питались в нем?
Мы *жили, жили* мы – и более не скажем,
И более сказать не можем ничего. [4, с. 56]

Он пал! Он пал! Кипят сердца;
К надеждам счастья оживают.
Как дети одного отца,
Все, все друг друга обнимают..
Он пал! в восторге целый свет! [4, с. 307]

Получается, что, с одной стороны, Карамзин освобождал свою поэзию от «украшений», а с другой стороны, иногда намеренно использовал их и маркировал курсивом. Тем самым поэт как будто «заигрывал» с читателем, вводя его сначала в мир лирики без лишних изысков, с подчеркнuto простыми словами и оборотами, а затем, сталкивая с оригинальным сочетанием графики и рифмы, графики и стилистических фигур. И вся прелесть таких случаев в том, что они встречаются редко и, соответственно, выглядят ярче на фоне других.

Проанализируем материал и с точки зрения функций, выполняемых курсивом в стихотворных произведениях Карамзина. Чаще всего (44% случаев) курсив у поэта выполняет функцию характеристики предмета, явления, лица:

То пусть всегда свирель пастушья, девы песнь –
Прелестный серафим, в восторги приводящий, –
И лира бардова там *бога всех времен*,
Во всё теченье их согласно воспевают!
[4, с. 73]

Так кормчий посреди морей необозримых
Без страха видит гроб *волнистый* пред собой
И слышит грозный рев пучин неизмеримых...
[4, с. 245]

Когда был человек блажен?
Тогда, как, думать не умея,
Без смысла он *желудком жил*. [4, с. 289]

В 26% случаев курсив у Карамзина несёт на себе функцию выделения пространственно-временных форм:

Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избежать:
И ты должна свой век скончать! [4, с. 120]

Построю *домик* для тебя,
Для нас двоих, над тихой *рекою*
Забвения всего, но только не любви;
Скажу тебе: «В сем *домике* живи
С любовью, счастьем и со мною...»
[4, с. 210–211]

В 22% случаев курсив служит средством оформления «чужого слова»:

И ты с восторгом мне внимала;
Рукою... на песке писала:
Люблю – люблю – умру любя! [4, с. 197]

Как тень, мелькая, исчезаешь;
Но надпись о другом и в самый дальний век
Гласит: *Прохожий, стой!*
Героя попираешь. [4, с. 238]

С конца 1780-х по 1820-е годы широкое распространение в стихотворных произведениях русских поэтов получило маркирование курсивом имён собственных и местоимений и составило около 40% случаев (от всех случаев за этот период). Можно сказать, что это было очень яркой приметой времени в русской поэзии.

Как нам удалось выяснить, курсив имён собственных, выполняющий функцию выделения реалий, ранее всего появляется в «Енее» (1770, 1781) В.П. Петрова: «И град, кой узришь днесь, на месте том воздвигли, / Названье *Бирзою* которому дала / Окрестность, кожею обмеренна вола», и в «Сатире к Музе» (1774) Н.П. Николаева: «Где глупый *петиметр Сократу* предпочтен, / Где гнусен *Камознс, Вергилий, Демосфен*, / *Расин, Дедро, Мольер* и быстрый *Сумароков*, / Который, не терпя подъяческих пороков, / Нередко и бояр за оные шунял».

Первые случаи курсива местоимений, выполняющих функцию выделения «условного понятия», находим у И.И. Хемницера в 1779 году («Милостивой государыне Марье Алексеевне Дьяковой»): «Тогда хоть мы от злых услышим поношение, / Что станем правду говорить, / Но в *ней* не гнев найдём, увидим снисхождение; / *Её* одно в том утешенье, / Один закон, одно ученье»; у Н.М. Карамзина («На разлуку с Петровым», 1791; «Выбор жениха», 1795; «Прощание», 1795). Однако у Карамзина подобные факты встречаются всего в 13% случаев. Как в случае с рифмой и тропами Карамзин пытался вывести свою поэзию за рамки заданных временем норм, так и в случае с курсивом имён собственных и местоимений поэт стремился, на наш взгляд, отойти от привычного использования графики.

Итак, изучение курсива в поэзии Карамзина показало следующее: 1) поэт усваивает опыт предшественников в использовании курсива; 2) под пером Карамзина графический приём курсива становится семантически насыщенным; 3) курсив даёт своеобразный срез стиливых предпочтений поэта; 4) исследование структуры и применения курсива открывают перспективы изучения его отношений с другими стиховыми формантами.

09.11.2016

Список литературы:

1. Борисова, И.М. Графический облик поэзии: «лесенка», курсив, графический эквивалент текста (на материале поэзии Н.А. Некрасова, его предшественников и современников) : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.08 / И.М. Борисова. – Самара, 2003. – 21 с.
2. Гуковский, Г.А. Карамзин. История русской литературы: В 10 т. / Г.А. Гуковский АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. V. Литература первой половины XIX века. – Ч. 1. – 1941. – С. 55–105.
3. Карамзин, Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. / Н.М. Карамзин ; вступит. статья П. Беркова и Г. Макогоненко. – М.-Л.: Худож. литература, 1964.
4. Карамзин, Н.М. Полное собрание стихотворений / Н.М. Карамзин ; вступит. статья, подготовка текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – Л.: «Сов. писатель», 1966.
5. Кочеткова, Н.Д. Сентиментализм. Карамзин. История русской литературы: В 4 т. / Н.Д. Кочеткова. – АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – 1980. – С. 726–764.

6. Лотман, Ю.М. Поэзия Карамзина / Лотман Ю.М // О поэтах и поэзии. – С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2001. – 848 с. – С. 285–323.
7. Подойницына, О.Э. Поэзия Н.М. Карамзина: темы и жанры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.Э. Подойницына. – Москва, 2012. – 15 с.

Сведения об авторе:

Борисова Ирина Михайловна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru